

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2023.12584

EDN: AVWKEY

Почвенничество и символический реализм В. П. Астафьева и В. Г. Распутина

А. Ю. Большакова

*Институт мировой литературы имени А. М. Горького,
Российская академия наук
(г. Москва, Российская Федерация)*

e-mail: allabolshakova@mail.ru

Аннотация. С начала XXI в., когда один за другим стали уходить ведущие деревенщики (Астафьев, Белов, Распутин) и идеологическим версификаторам стало проще критиковать их произведения, возникла необходимость в защите деревенской прозы — ведущего литературного направления второй половины XX в. Для этого литературоведы стали обращаться к мировоззренческим установкам, востребованным в кризисные периоды для стабилизации национального самосознания, но делали это не всегда обоснованно, что вызвало новую волну отрицания. Цель настоящей статьи — выверение существующих и выявление новых подходов к деревенской прозе и поэтике ее ведущих представителей в подобном контексте. Критической перепроверке подвергается осмысление предмета в контексте традиционализма, консерватизма. На первый план выдвигается задача исследования поэтики таких ведущих мастеров слова, как Астафьев, Распутин, с точки зрения претворения в их художественном методе идеологии почвенничества, наиболее укорененной в крестьянско-земледельческом мировоззрении. В задачи автора входило исследование терминологического содержания почвенничества, исторического генезиса в работах Достоевского и единомышленников, сопряжения теории почвенничества и литературы, а также его модификации в «новом почвенничестве» Астафьева, Распутина и других деревенщиков. Прежде всего — в новом художественном методе символического реализма, где ключевая идеологема «земля-почва» получила претворение в образе-символе «Мать-Земля», первоосновном для этого литературного направления. Данное положение доказывается на основе поэтики Астафьева и Распутина, у которых новый метод и его ключевой образ-символ обрел яркую индивидуализацию. Тем не менее в итоге автор статьи пришел к выводу, что не следует ограничивать художественную идеологию Астафьева или Распутина каким-либо одним направлением философской мысли, поскольку поэтика этих писателей сложна и многогранна.

Ключевые слова: Астафьев, Распутин, почвенничество, символический реализм, поэтика, традиционализм, консерватизм, генезис, идеал-образ,

Достоевский, идеологема, антипочвенничество, символ, художественный метод

Для цитирования: Большакова А. Ю. Почвенничество и символический реализм В. П. Астафьева и В. Г. Распутина // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 3. С. 303–327. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12584. EDN: AVWKEY

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2023.12584

EDN: AVWKEY

Pochvennichestvo and Symbolic Realism of V. P. Astafiev and V. G. Rasputin

Alla Yu. Bolshakova

*A. M. Gorky Institute of World Literature,
The Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: allabolshakova@mail.ru

Abstract. Since the beginning of the 21 century, when leading villagers (Astafiev, Belov, Rasputin) began to leave one after another, and it became easier for versifiers from different ideological positions to criticize their works, there was a need to protect village prose — the leading literary trend of the second half of the twentieth century. To do this, literary critics began to resurrect ideological attitudes (that were in demand in times of crisis to stabilize national consciousness), but not always justifiably, which caused a new wave of denial. The purpose of this article is to verify the existing and identify new approaches to village prose and poetics of its leading representatives in a similar context. The understanding of the subject in the context of traditionalism and conservatism is critically rechecked. The task of studying the poetics of such leading literary masters as Astafiev, Rasputin, comes to the fore from the point of view of the implementation in their artistic method of the “pochvennichestvo” ideology, most deeply rooted in the peasant-agricultural worldview. The author’s tasks include the verification of the terminological content of pochvennichestvo, its historical genesis in the works of Dostoevsky, the coupling of the pochvennichestvo theory and literature, as well as its modifications in the “new pochvennichestvo” by Astafiev, Rasputin and other masters of village prose. First and foremost, research material included the new artistic method of symbolic realism, where the key ideologeme “earth–soil” has found implementation in the image-symbol of Mother Earth, the primary basis for this literary trend. This position is proven through the analysis of the poetics of Astafiev and Rasputin, whose new method and its key image-symbol have acquired a vivid artistic individualization. Nevertheless, as a result, the author of the article comes to the conclusion that one should not limit the artistic ideology of Astafiev

or Rasputin to any one direction of philosophical thought, since the poetics of these artists is complex and multifaceted.

Keywords: Astafiev, Rasputin, pochvennichestvo, symbolic realism, poetics, traditionalism, conservatism, genesis, ideal-image, Dostoevsky, ideologeme, antipochvennichestvo, symbol, artistic method

For citation: Bolshakova A. Yu. Pochvennichestvo and Symbolic Realism of V. P. Astafiev and V. G. Rasputin. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2023, vol. 21, no. 3, pp. 303–327. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12584. EDN: AVWKEY (In Russ.)

Традиционализм

Обращение к «традиционализму» позволило некоторым литературоведам, порой подменявшим православные основания русской литературы исламом и индуизмом¹, сделать из него философические подпорки для преобразования деревенской прозы² в «традиционалистскую»: со всеми последствиями применения архаичного понятия с сомнительным терминологическим содержанием. По определению, это не осознанная идеология или философская концепция, но — стихийная установка коллективного бессознательного.

Роль *традиции* в становлении поэтики таких ведущих представителей этого литературного направления, как Астафьев или Распутин, трудно переоценить. Однако *традиционализм ли это?* Или свойственное литературе как таковой *обращение к традиции* с последующим ее переосмыслением и художественным претворением, а в случае с Астафьевым — еще и с явной модернизацией (о чем свидетельствует его переосмысление традиционных жанров)? В целом, тут много путаницы и уязвимости, используемой оппонентами. Так, в интерпретации «нового» термина критиками деревенщиков как «архаистов» признак традиционализма усматривается в их «приверженности реалистическому письму» [Разувалова: 74].

¹ Как в случае с параллелями между теорией Р. Генона и прозой В. Распутина.

² Неоправданно подменяя исконное именование этого направления, восходящее к архетипу «деревня» как ведущему в русской литературе XVIII–XX вв. (начиная с «Деревни» Пушкина, Карамзина) и символу мирового древа, запечатленному, например, в образе-символе царского лиственя в «Прощании с Матёрой» Распутина.

Символический реализм

Однако о каком реализме следует вести речь? Скорее всего, не о «традиционалистском», а новаторском: о возникновении в полемике с соцреализмом нового художественного метода — *символического реализма*, в системе которого (в отличие, к примеру, от символизма Серебряного века) доминирует *образ-символ*, основанный на совершенно *земных реалиях* и соотнесенный с реальной действительностью, куда включены автор и герой со своими духовностью, интеллектом, мировоззренческими установками и идеалами. Симптоматично в этом плане признание ведущего деревенщика, что в своей прозе он «стремился совместить *символику* и самый ни на есть грубый *реализм*»³.

Тяготение к максимальному сжатию художественной материи для выражения сущности XX в. — стремление дать «*знак, символ, образ*, что в буквальном переводе с греческого означает идею»⁴, — убедительно свидетельствует о состоявшемся в деревенской прозе «*синтезе "истории" и "поэзии" в процессе создания <...> "символического реализма"*». Формирующийся в такой системе мышления образ-символ проявляет себя как «*предельная единица художественного произведения, которая... несет в себе структурные свойства целого*» [Виноградов: 203, 297].

Консерватизм

В интерпретациях критиков деревенской прозы, не учитывающих ее художественные особенности, сказывается тенденция перекраивать «старые» идеологические мехи и занижать тем самым ее достижения: распространено причисление к *консерватизму* и *неопочвенничеству* со знаком минус, как, например, в недавней книге о писателях-деревенщиках [Разувалова]. Изъян таких начинаний — вульгаризация консерватизма и почвенничества, позволяющая голословно причислить деревенщиков к ретроgrадам и реакционерам: не на основе художественных текстов,

³ Астафьев В. П. Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1998. Т. 12: Публицистика. С. 226. Здесь и далее курсив в цитатах, кроме оговоренных случаев, мой. — А. Б. Ориентация на символическое письмо сближает поэтику Астафьева, Распутина и других деревенщиков и со стилем литературы русского Средневековья, где преобладало мышление символами.

⁴ Там же. С. 225.

а на уровне жонглирования абстрактными категориями, когда «консерватор» идет через запятую с «ретроградом» [Разувалова: 75]⁵.

На самом деле суть подлинного консерватизма — *меняться, оставаясь собой*. В основе его — не ретроградство, а сохранение культурной национальной идентичности, базовых ценностей народа. Стратегия — эволюция вместо революции, традиция вместо разрушительной ломки устоев. В этом есть близость художественной идеологии деревенской прозы. Однако лишь *близость*, поскольку консерватизм как мировая идеология направлен на сохранение скорее внешней охранной системы общества, государства, а, к примеру, *почвенничество* как феномен сугубо русский, — глубинного самосознания «нутряной России», говоря словами А. И. Солженицына⁶.

Почвенничество

Наиболее соответствует сути деревенской прозы — именно *почвенничество*, обращенное к ценностным ориентациям русского народа в его православно-земледельческих подосновах. Философско-культурологическая мысль выделяет 1960–1980-е гг. как период, когда возникла «новая форма почвенничества», или «вторичное почвенничество», в котором базовая идеологема «почвы» и ее социальная направленность были переосмыслены сообразно изменившимся историческим обстоятельствам» [Микитюк: 18]. Отмечая, что «неопочвенничество» не создало серьезных философских концепций, но при этом <...> отразилось в литературе, кино, театре, литературно-художественной критике и публицистике», исследователи выделяют именно деревенскую прозу как основной источник возрождения этого мировоззрения [Микитюк: 18].

⁵ Примечательно, что для убедительности такой трактовки критик обращается к негативным оценкам консерватизма зарубежными учеными: прежде всего К. Мангейма в работе «Консервативное мышление» 1927 г. Но почему же, вопреки логике исследования, русский вариант консерватизма напрочь выпадает из книги о русских деревенщиках?

⁶ Возвращавшемуся из лагеря автору-повествователю «хотелось затесаться и затеряться в самой *нутряной России*» (Солженицын А. И. «Матренин двор» [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/matren.txt> (24.04.2023)).

Современная наука о литературе справедливо утверждает, что традиции почвенничества были возрождены Д. С. Лихачевым, А. И. Солженицыным, В. П. Астафьевым, В. Г. Распутиным, В. И. Беловым, В. М. Шукшиным: «В XX в. почвенничество стало разрешением векового спора западников и славянофилов. Почвенниками называли тех писателей, кто сохранил *верность крестьянству и традиционным ценностям народной жизни, традициям русской словесности*» [Захаров: 22]. В основном литература с ее своеобразной системой художественных средств, а не рациональные построения аналитиков во второй половине прошлого столетия явилась сферой возрождения «забытой» идеологии нутряной России.

Генезис и определения

В контексте этой установки следует рассмотреть генезис понятия и терминологическое содержание, а также то, какие метаморфозы испытала концепция почвенничества во второй половине XX в., обретя неповторимое воплощение в строе поэтики у таких мастеров слова, как В. П. Астафьев или В. Г. Распутин.

Согласно определениям, «основополагающей идеей почвенничества стала мысль о важности "народной почвы", национального духа, о необходимости слияния русской духовной элиты с народом, "принятия" в себя "народного элемента"⁷. Целеполагание почвенничества — *разворот образованной верхушки общества к народной «почве» через просветительскую деятельность, суть — народность*⁸.

Во второй половине XX в., в условиях советского общества, русские писатели (выходцы из крестьян) продолжили эти начинания.

Как известно, возникло почвенничество в результате поисков Ф. М. Достоевским «нового слова» для журнала «Время» (1861).

⁷ Почвенничество // Философская энциклопедия: в 5 т. М.: Советская энциклопедия / под ред. Ф. В. Константинова [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/959/ (10.03.2023).

⁸ «Констатируя оторванность "просвещенного общества" от народа, Достоевский полагал, что "образованность" и ее представители должны слиться с народной "почвой", приняв в себя ее главный элемент — "христианскую связь в среде народной"» [Барков].

Таким словом стала «*почва*» в значении «народные начала», «опора», «основание»⁹:

«Мы убедились, наконец, что мы тоже отдельная национальность в высшей степени самобытная и что наша задача — *создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал*»¹⁰.

По определению современных исследователей, исходно у Ф. М. Достоевского, А. А. Григорьева, Н. Н. Страхова «почва» не строгое понятие, но *смыслообраз, идеологема*¹¹:

«Под именем *почвы* разумеются те *коренные и своеобразные силы народа*, в которых заключаются зародыши всех его органических проявлений» [Страхов: 113].

О значительности народившейся идеологии, несмотря на расплывчатость понятийно-терминологических очертаний, свидетельствовало ее развитие в трудах Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, В. В. Розанова, В. С. Соловьева и других мыслителей, внесших свои коррективы, но не изменивших сущность. В 1930–1950-х гг., в связи со сменой идеологической системы,

⁹ Хотя производный термин «почвенничество» появился позже, «основные принципы почвенничества были сформулированы на страницах ряда толстых литературных журналов, прежде всего "Время" и "Эпоха", Ап. Григорьевым, братьями М. М. и Ф. М. Достоевскими, Н. Н. Страховым в острой полемике с рупором нигилизма "Русским словом" Д. И. Писарева и оплотом революционных демократов "Современником" Н. Г. Чернышевского», — отмечает Э. Г. Соловьев в «Новой философской энциклопедии» (Почвенничество // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Стёпина. М.: Мысль, 2001 [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/959/ (10.03.2023)).

¹⁰ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. М.: Воскресенье, 2004. Т. 5. С. 8. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Достоевский 2004* и указанием тома и страницы в круглых скобках.

¹¹ «В представлениях А. Григорьева, Н. Страхова и Ф. Достоевского "почва" является *полисемантическим смыслообразом*, допускающим *многообразие интерпретаций*, при этом *выражающим собой определенную культурную традицию*. "Почва" — это *не строгое понятие*, а, скорее, "веяние", мифологема и идеологема, смыслообраз, вырастающий из русской жизни, известная неопределенность которого есть неопределенность самой жизни. "Почва" — это уникальное единство физической и духовной реальности, выступающее как субстанциальное основание природно-космической и социально-культурной жизни народов» [Микитюк: 14].

основатель почвенничества Достоевский оказался под цензурным запретом. Возродилось почвенничество в обновленном виде уже в художественном мире русских деревенщиков¹². В этом есть, впрочем, своя закономерность. Ведь, согласно органическим установкам почвенников, их учение изначально предполагало познание действительности не столько научной, сколько художественной мыслью. Не состоявшись в полной мере в XIX в., эти установки были востребованы литературным сознанием 1960–1990-х гг., что позволяет определить

*Точки схождения идеологии и литературы*¹³.

1. Изначальное возникновение именованья и собственно концепции почвенничества в сфере *писательского* мышления.

2. «*Нестрогое понятие*». Очевидно, именно обусловленная самой жизнью «неопределенность» и «нестрогость» концепции почвенничества вызвала дальнейшее смещение ее ключевого смыслообраза в сферу литературного мышления, художественной образности.

3. *Символика* изначального именованья и его удвоение: «*почва*» и «*земля*». *Культ Земли* как «овеществленной сущности» у Достоевского и у деревенщиков: претворение архетипа Матери-Земли.

4. *Органическая концепция* почвенничества и категория *Жизнь* (а не теория) как доминанта: мир представляет собой целостный организм, и его витальность выводит на первый план категорию Жизнь. Так же, например, в поэтике Астафьева и Распутина: начало, всепобеждающее трагизм социоисторической реальности, — это сама Жизнь. Потому в авторском пафосе доминирует идея Жизневоскресения, а в типологии героя — жизненность, проявляющаяся в умении прорасти сквозь обстоятельства. Важен и приоритет Природы в художественном мире деревенщиков. В таких умонастроениях сказывается органичность их мироощущения, которая выше и сильнее рациональных построений. Мы можем обозначить эту направленность,

¹² Отметим смелость критика А. Н. Макарова, первооткрывателя Астафьева, который в начале 1960-х гг. дерзнул сравнить его с Достоевским.

¹³ Данные позиции, здесь кратко очерченные, будут еще уточняться и раскрываться в настоящей статье.

запечатленную в строе символической образности (зооморфном коде, введении природных символов, к примеру, орнитонимов), как «органический» компонент поэтики.

Символика и метаморфозы идеологемы

Подобно предшественникам-почвенникам, деревенщики — в своей обращенности к крестьянским корням нации — уповали на национальное самопознание, поиск утраченной самоидентичности. Но есть и кардинальное различие: если у почвенников XIX в. идеи и взгляды формулировались в публицистике и философии, то у деревенщиков — во всем строе художественных средств. Даже Достоевский высказывал свои взгляды в «Дневнике писателя», статьях и записках. В художественных же произведениях запечатлено диалогическое *отношение* к Земле, обретающей сакральный статус в переживаемом мире автора и героя (Алеши в «Братьях Карамазовых», Раскольников в «Преступлении и наказании») как смыслообраз и *объект* религиозных прозрений и экстатических вдохновений. В поэтике Достоевского это отношение к Земле как к *объекту* авторской сакрализации и духовного возрождения героя воплощено в мотивном комплексе: мотивах припадания к земле, целования ее ради проникновения ее чистотой и святостью.

Преодолевая границы славянофильства и западничества¹⁴, но не отвергая их, почвенничество стремилось занять самостоятельную позицию, сопрягая национальное и общечеловеческое¹⁵. Эта устремленность сказалась затем в поэтике Астафьева и Распутина: жанровой системе, насыщенной интертекстуальности, обращающих читателя к мировой классике. Однако было бы упрощением переносить установки XIX в. на творчество

¹⁴ «Мы говорим здесь не о славянофилах и не о западниках. К их домашним раздорам наше время совершенно равнодушно. Мы говорим о *примирении цивилизации с народным началом*» (Достоевский 2004, т. 5: 9).

¹⁵ «Мы предугадываем и предугадываем с благоговением, что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа, в отдельных своих национальностях; что, может быть, все враждебное в этих идеях найдет свое примирение и дальнейшее развитие в русской народности» (Достоевский 2004, т. 5: 8).

деревенщиков, при всей их близости идеям прошлого: пройдя сквозь русло материализма, почвенничество как течение претерпело изменения. Особенно это проявилось в литературе второй половины XX в. на уровне *метода символического реализма и эстетического идеала как предмета художественного претворения*: у Астафьева, Распутина и других деревенщиков — земледельческого по сути, с категориальной доминантой возвышенного.

Роль символики в претворении идей почвенничества проявилась и в лирике близкого деревенщикам поэта — Н. М. Рубцова. Однако символизация как средство поэтического самовыражения не сформировала, по мнению исследователей, художественный метод в лирике 1960–1980-х гг.¹⁶ Еще менее идеи почвенничества проявились в символизме Серебряного века, несмотря, скажем, на интерес А. Блока к фигуре А. Григорьева, отразившийся в биографической статье¹⁷. Даже в небольшой элегии З. Гиппиус с «почвенным» названием «Земля» (1902) речь идет о могильной земле, и в тексте заглавное именование не повторяется, заменяясь «могилой» как предметом авторской рефлексии. Сходным образом Мать-Земля входит скорее в сферу авторского отрицания, нежели поклонения, в десакрализованной «Земле» Вяч. Иванова:

*«Ах! не Земля, — дети, вам мать — Голгофа
С того дня, как умер Он!
С ним умерла, дети, Земля! О, дети!
Жив ли мой Бог?.. Кто жив — живит!»¹⁸.*

Хотя возникают и гимнографические посвящения, воспеваящие культ Земли, как в стихотворении Вяч. Иванова «Тихая воля» (1905). Но, в силу оторванности символистов от крестьянских корней, культовый образ здесь весьма условен, а земледельческие работы обретают декоративно-орнаментальное воплощение как некое красивое «убранство»:

¹⁶ См. об этом подробнее в разделе «Лирика Н. Рубцова (опыт сравнительно-типологического анализа)» в диссертационном исследовании о почвенной поэзии второй половины XX в. [Бараков].

¹⁷ Блок А. А. Судьба Аполлона Григорьева // Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. Т. 5: Проза: 1903–1917. С. 487–523.

¹⁸ Иванов Вяч. И. Стихи [Электронный ресурс]. URL: <http://ivanov.lit-info.ru/ivanov/stihi.htm> (01.04.2023).

«О, как тебе к лицу, земля моя, убранства
Свободы хоровой! —
И всенародный серп, и вольные пространства
Запашки трудовой!..»¹⁹.

Концепции почвенничества в XX в. нашли отражение в творчестве русской эмиграции первой волны: особенно в рассказе М. Осоргина «Земля» (1929), запечатлевшего в нем свое сакральное переживание:

«Любовь к земле, страстная к ней тяга, я бы даже сказал, мистическое ей поклонение, — не к земле-собственности, а к земле-матери — к ее дыханию, к прорастающему в ней зерну, к великим тайнам в ней зачатия и к ней возврата, к власти ее над нашими душами, к сладости с ней соприкосновения, — это действительно осталось во мне на всю жизнь»²⁰.

Таковы образцы и тенденции, в которых сказалось, в традициях Достоевского, диалогическое отношение к Земле как объекту авторского переживания, культового восхищения (или отрицания). Однако на уровне *художественного метода* (с доминантностью символики) почвенничество не получало воплощения — вплоть до новаторских начинаний деревенской прозы.

* * *

Во всем этом коренится сложность проведения параллелей между почвенничеством в его первичном варианте и его претворением в литературе второй половины XX в., где выявление аналогичных взглядов требует углубления в систему художественных средств их воплощения, что не учитывается тенденциозными критиками. И не только ими.

Так, автор статьи о почвенничестве в XX в. опирается лишь на публицистические высказывания Абрамова, Белова, Носова, Распутина: «Писатель (Абрамов. — А. Б.) говорил о деревне как об основе русской культуры в целом: "*Деревня — это глубины России, почва, на которой выросла и расцвела вся наша*

¹⁹ Иванов Вяч. И. Стихи [Электронный ресурс]. URL: <http://ivanov.lit-info.ru/ivanov/stihi.htm> (01.04.2023).

²⁰ Осоргин М. А. Чудо на озере: сб. Париж: Современные записки, 1931 [Электронный ресурс]. URL: <https://litvek.com/book-read/457600-kniga-mihail-andreevich-osorgin-chudo-na-ozere-rasskazyi> (19.04.2023).

культура. <...> На деревенской ниве всколосилась вся русская культура, этика, эстетика, язык <...>. Тут наши истоки, наши корни"» [Кузина: 17]. Астафьев, у которого критик не нашла прямых свидетельств принадлежности к почвенничеству, вообще не упоминается. Однако параллели возможны — на уровне поэтики.

Новое почвенничество сохранило прежнюю оппозиционность, но если ранее оно было оппозиционно славянофильству и западничеству, нигилизму и революционному демократизму, то во второй половине XX в. — ортодоксальному интернационализму²¹ в его ориентации на нивелированность национального начала, идеи русскости.

«"Почва" — распространенная языковая метафора, которая представлена в критическом тезаурусе 1840–1860-х гг. *В прямом значении — это земля, в переносном — основа, основание, опора*» [Захаров: 17]. Во второй половине XX в. сохранились переносные значения: «опора, основа, основание» — в художественном осмыслении идеи национальной почвы как духовного оплота русского народа. Однако в художественном мире деревенской прозы проявилось и прямое значение слова «почва» как сущностное, восходящее к архетипу Земля и крестьянскому, земледельческому мироощущению, в котором данный архетип является центральным, опорным. Недаром в одном из последних интервью В. Г. Распутин провел прямые аналогии между прямым и переносным значениями идеологема: «Роль крестьянской среды заключается <...> в сохранении тех ценностей, которые были прежде. Имеется в виду почва — нравственная и духовная. И черпается она из самой земли, в ней сила-то»²². Отсюда именование этого мировоззрения: *земледельческое*.

Почва и Земля — символы почвенничества. Несмотря на очерченные сложности в проведении возможных параллелей между теорией почвенничества и ее художественным претворением, они возможны (как и было оговорено мною

²¹ Который пропагандировался в резко критичной статье А. Н. Яковлева «Против антигисторизма» (1972), по сути, направленной против почвенничества деревенщиков и их единомышленников.

²² Распутин В. Г. Если дело дошло до края // Литературная газета. 2004. № 35. С. 3.

ранее). Если в древнерусской системе ценностей «Русская Земля» — синоним и символ Руси-государства, то в почвенничестве Достоевского «Земля» — «овеществленная сущность», происходит сопряжение «земли» и «почвы»:

«Мы замечаем "культ Земли", религиозное отношение к ней в творениях Достоевского, относящихся к периоду после каторги. Само "почвенничество" как "новое слово" родилось в основе там же, и стоит разобраться в том, как оно связано с учением о "земле" — о *овеществленной сущности*. Психологическая близость обоих понятий известным образом это допускает» [Плетнев: 175].

Действительно, в июльско-августовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (в главе IV, подглавке «Земля и дети») Достоевский связывал обновление человечества и нации с идеей Земли как духовной почвы, из которой должно произрастать все лучшее, опираясь при этом на вековую земледельческую традицию русской цивилизации:

«...родиться и *всходить*²³ нация, в огромном большинстве своем, должна *на земле, на почве*, на которой хлеб и деревья растут. <...> А между тем если я вижу где зерно или идею будущего — так это у нас, в России. Почему так? А потому, что у нас есть и по сих пор уцелел в народе один принцип и именно тот, что *земля* для него *всё*²⁴, и что он всё выводит из земли и от земли, и это даже в огромном еще большинстве. Но главное в том, что это-то и есть нормальный закон человеческий. *В земле, в почве есть нечто сакральное*»²⁵.

Концептуальная преемственность очевидна. Различие же в том, что *Мать-Земля* в художественном мире Астафьева, Распутина и других деревенщиков — *субъект*, а не объект жизнедеятельности. Главное здесь не *отношение* к «овеществленной сущности», но сама *сущность* как таковая. В поэтике таких мыслителей, как Астафьев, Распутин, *Земля* — художественный образ-символ, который принимает, в духе органической теории почвенничества, на себя важнейшие функции: обеспечивает

²³ Курсив Достоевского.

²⁴ Курсив Достоевского.

²⁵ Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, Ленинград. отд-е, 1994. Т. 13: Дневник писателя. 1876. С. 266.

жизнедеятельность человечества, постоянное возрождение Жизни, проходящей через циклы умирания-жизневоскресения.

Этот лейтмотив присущ всему творчеству Астафьева, он соединяет его первые лирико-философские миниатюры из «Затесей» с лирическими отступлениями о власти Земли в «Проклятых и убитых». Еще в 1960-х гг. новелла «Ясным ли днем» о талантливом певце, жертве войны, завершается финальной доминантой — образом Земли, принимающей на себя высокую миссию спасения человека, залечивания ран войны и сохранения мира. Земля здесь — активно действующая сила, не просто дополняющая типологический ряд героев и персонажей рассказа, но венчающая его вечным символом мира и добра. Отметим особенности финала новеллы, где в ночном безмолвии этот ряд отходит в фоновый план: люди спят, все спят — живые и мертвые. А на первый план выдвигается обобщающий образ Земли, охраняющей их покой.

«Шорохом и звоном наполнится утром лес, а пока над поселком плыло темное небо с яркими, игластыми звездами. Такие звезды бывают лишь осенью, вызревшие, еще не остывшие от лета. Покой был на земле. Спал поселок. Спали люди. И где-то в чужой стороне вечным сном спал орудийный расчет, много орудийных расчетов. Из тлеющих солдатских тел выпадали осколки и, звякая по костям, скатывались они в *темное нутро земли*.

Отяжеленная металлом и кровью многих войн, земля безропотно принимала осколки, глушила отзвуки битв собою»²⁶.

Антипочвенничество

Согласно энциклопедическим статьям, с конца XIX в. термин «почвенничество» обретает противоположные смыслы и «начинает использоваться радикально-революционным крылом интеллигенции в качестве синонима консерватизма и архаичности воззрений того или иного политического движения. В этом значении существует в политической публицистике и поныне»²⁷. И не только в политической публицистике, но и, как мы уже не раз убедились, в цеховой литературной критике.

²⁶ Астафьев В. П. Собр. соч.: в 15 т. Красноярск, 1997. Т. 3. С. 376.

²⁷ Почвенничество // Философская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/959/ (10.03.2023).

С одной стороны, почвенничество становится в борьбе с такой критикой весомым оружием и провозглашается «будущим России» [Тимофеев]. С другой, в «лучших» традициях революционных радикалов, объявляется реакционным ретроградством, как в главе «"Неопочвеннический" традиционализм — революция и реакция» из книги о деревенщиках [Разувалова]. Не разобравшись в почвенничестве как таковом и его претворении в поэтике этих писателей, критик делает его синонимом «плохого» консерватизма и традиционализма, которые сообща подверстываются под ретроградство. Неслучайно имя того же Астафьева практически выпадает из этой главы, поскольку никаких доказательств тому в художественном мире его прозы, да и в прямых высказываниях, найти невозможно²⁸. Получается, литературность отделена от идеологии, потому критику можно жонглировать любыми абстрактными понятиями.

Художественная материализация «почвы-земли»

Итак, в XX в. на уровне литературного письма состоялась «материализация» предшествующей идеологемы: возник пластически зримый, художественный образ-символ *Земли-«почвы»* как средоточия всего сущего. Не здесь ли состоялось искомое еще героями Достоевского сопряжение земли и неба?

Думается, именно художественная «материализация» образа почвенничества стала одним из импульсов к рождению метода *символического реализма* в деревенской прозе, где *символ обрел воплощение сугубо на земных основаниях*. Первообраз Земли (Матери) преобразуется в символ как производную (в системе

²⁸ В отношении Астафьева, введенного критиком в ту главу лишь из-за принадлежности к деревенской прозе, кратко упоминаются его «бунтарство», ориентация на дихотомию «традиция/цивилизация», мотив «утраченного рая» в первой книге «Последнего поклона», традиции Л. Толстого в «Проклятых и убитых», проблематика «травмы». Ни о какой принадлежности к почвенничеству или консерватизму, являющихся вроде бы предметом осмысления в данной главе, в характеристиках Астафьева речи нет вообще: его имя лишь изредка автоматически включается в общие списки деревенщиков как «традиционалистов-неопочвенников», «консерваторов-ретроградов» и т. п. Гораздо интереснее для спекулятивного критика оказалось повторение избитых тем «этнофобии» и «антисемитизма», в пространстве которых Астафьеву уделен целый параграф.

литературной поэтики) величину. Яркий пример — образ-символ Матёры (земли-острова и деревушки на нем) в знаменитом «Прощании с Матёрой» Распутина.

Очевидно, «виной» художественных преобразований было и смещение к материализму: переворот в умах, произведенный марксизмом-ленинизмом. Чтобы противопоставить ему иную идеологию через опубликованное слово в подцензурной ситуации 1960–1980-х гг., надо было мыслить в той же системе координат, даже с однокорневыми именованями: Земля-Матёра как символ Руси-России православно-земледельческой и Материализм разрушающей ее индустриализации и урбанизации.

В строе поэтики, на уровне образной доминанты, произошла актуализация *прямого* значения слова-идеологемы «почва» в «волнующие минуты полного слияния с родной землей»²⁹. Образ Земли-«почвы» обрел значение высокого символа, уже на художественном, а не умозрительном уровне вмеща в себя все остальные переносные смыслы: опора, основание, народные начала, русская идея.

Идеологема и художественный метод

Наиболее наглядно в художественной системе Астафьева это видно на примере «Оды русскому огороду», где малая пядь Русской Земли вмещает в себя возвращенную веками земледельческой практики систему ценностных ориентаций в ее возвышенно-созидательной сущности: «...*все сущее вместилося в темный квадрат огорода*»³⁰. Идеологема «почва»-земля визуализируется в самой художественной материи этого уникального произведения, где на наших глазах начинается возвращение автора, героя и читателя — силой памяти — к родной земле и своему подлинному «я», утраченному в разломах войны и исторических катаклизмов.

*«Память моя, память, что ты делаешь со мной?! Все прямее, все уже твои дороги, все морочней обрез земли, и каждая дальняя вершина чудится часовенкой, сулящей успокоение»*³¹.

²⁹ Астафьев В. П. Собр. соч.: в 15 т. Красноярск, 1997. Т. 8. С. 9.

³⁰ Там же. С. 11.

³¹ Там же. С. 7.

Почва здесь и метафора, и «реальный» пластический образ, по закону исторической инверсии (М. М. Бахтин) отодвигающийся на эстетическую дистанцию:

«Туда, где на *истинной земле* жили воистину *родные люди*, умевшие любить тебя просто так, за то, что ты есть, и знающие одну-единственную плату — ответную любовь»³².

«Почва» обращается в идеал-образ *родной «истинной земли»*.

Отметим тут и точки схождения с великими предшественниками: «Для Достоевского "почва" — все, что родит и роднит: народ, родина, родная речь, родная земля. Их объединяет тайна России» [Захаров: 23]. Для сравнения, образ *России-«поля-почвы»*, в ореоле почвеннического мировосприятия, возникает в публицистике Распутина. Говоря о путях духовного выживания русского народа (особенно крестьянства) в «катастрофу», он уповает:

«Тут сама *земля* помогала, она внушала, что может быть с общественным *полем России*, если засеять его сорняками»³³.

У Астафьева в «Оде русскому *огороду*» внутренняя масштабность сходного образа-символа вызывает идейно-художественное расширение: от малого квадрата обихоженной землицы — до всей Руси Великой, Земли Русской. Такое расширение заложено в композиционной организации этой лирико-философской повести и захватывает всю образную, жанровую структуру «Оды»: от образа автора-повествователя, воскрешающего память о родной земле и себе, крестьянском ребенке, до эстетического идеала, материализованного на эстетической дистанции.

«Если бы огород был памятен только тем, что вскормил и вспоил мальчика, дал ему силу и радость жизни, первые навыки в труде, он бы и тогда помнил его свято, и так же трепетно билось бы его сердце, как бьется *ныне, когда по всей Великой Руси обнажаются из-под снега, вытаивают вспоротые квадраты земли* на задах дворов, по-за селом, в опольях, на загородных пустырях, на склонах гор и подле железнодорожных путей, в болотинах и песках, возле озер и рек — повсюду, где обитают живые люди»³⁴.

³² Астафьев В. П. Собр. соч.: в 15 т. Красноярск, 1997. Т. 8. С. 9.

³³ Распутин В. Г. Если дело дошло до края. С. 3.

³⁴ Астафьев В. П. Собр. соч.: в 15 т. Т. 8. С. 38–39.

Рождение идеал-образа

Важно отметить, что материализация почвенной идеологемы происходит в деревенской прозе не в сугубо реалистических образах: процесс гораздо тоньше, и не только ведет нас к потаенным пластам культурной памяти нации, но и словно заново рождает их с участием все новых и новых читателей. В этом магия поэтики Астафьева и других деревенщиков, воссоздающих образы утраченного.

Именно в претворении идеологемы через образ Руси-Деревни проявляется закон *эстетизации явления на пороге его исчезновения*, определяющий поэтику авторов «Последнего поклона», «Последнего срока», «Прощания с Матёрой» и, посредством эстетической дистанции, возводящий *символ «почвы»-земли до высокого идеала*.

Мотив подобного преобразования заложен в жанровой системе Астафьева и Распутина, обратившихся к средневековому жанру видения. У Астафьева «Видением» назван целый раздел в книге «Затеси» и, соответственно, миниатюра 1972 г., посвященная восстановлению разрушенных, утраченных было православных святынь. Совсем иная по содержанию и стилю, однако сходная по жанру лирико-философская миниатюра, также названная «Видение» (1997), присутствует и в литературном наследии другого классика — Распутина, что позволяет судить о востребованности этого жанра деревенской прозой. Сутью распутинского «Видения» становится идея неразрывной, органической взаимосвязи человека и его «почвы» как всего сущего на земле:

«Уже не кажется больше растительным философствованием, будто все мы связаны в единую цепь жизни и в единый ее смысл — и люди, и деревья, и птицы. В старости так больно бывает, когда падает дерево!

Рядом с речкой, затихшей настолько, что не шевелится течение, я иду среди берез к мостику, *ступая радостно по твердой земле...*»³⁵.

В художественном мире этого писателя, склонного к идее метаморфоз, прозрениям на грани (не)бытия, возможно и совсем

³⁵Распутин В. Г. Собр. соч.: в 2 т. Калининград: ФГУИПП «Янтарный сказ», 2011. Т. 2. С. 621. (Сер.: Русский путь.)

иное прочтение финала его канонической повести-прощания, ранее соотносимое, кажется, лишь с мотивом неизбывного окончания земных сроков и форм. В «Прощании с Матёрой» Распутина (1976)³⁶ заложенная в реалистическом сюжете неизбежность исчезновения земли–«почвы» перекрывается неопределенностью открытой концовки и катарсически разрешается (возможным) сохранением *образа* Матёры (земли-острова-деревни) в эстетической памяти читателя — возвышением до символа Русской Земли как духовно-нравственной основы русского народа. Этому способствует островная символика в контексте традиций литературы русского Средневековья и православия, образы крестьянок-праведниц.

Повесть построена по принципу композиции с обратной перспективой, чему способствует открытая концовка, словно переносящая персонажей повести в некое inferнальное измерение, введение фольклорно-мистического персонажа (Хозяина) и сюжетная возможность спасения оставшихся на Матёре жителей. По закону инверсии, реализации которого способствует атмосфера условности изображаемого мира, уже скрытого в кромешной тьме тумана, насыщенного сверхчеловеческими силами, открываются возможности изменения художественной реальности — восстановления, силой культурной памяти читателя, рая неутраченного, воскрешенного.

Прочтение повести в ее финальной незавершенности, неокончателности возможно в амбивалетном темпоральном поле, соотносимом с неопределенным, эфемерным будущим земли-почвы и ее обитателей и — сакрализованным прошлым, баснословными временами Матёры. Настоящее настолько ирреально, что его как бы не существует: все внимание автора, персонажей и читателя сосредоточено в силовом поле между прекрасным прошлым, где локализованы их идеалы процветания родной Матери-Земли, и — зияющей пустотой Nihil, где скоро исчезнет земля-почва и мир погрузится во мрак небытия. С философской точки зрения в ее отношении к будущему, это колебание между исторической инверсией, которой «соответствует провозглашение "начал" как незамутненных,

---

³⁶ Художественной доминанте, завершающей канонический период деревенской прозы.

чистых истоков всего бытия и провозглашение вечных ценностей, идеально-вневременных форм бытия», и — эсхатологизмом, где «будущее мыслится как конец всего существующего, как конец бытия (в его бывших и настоящих формах)» [Бахтин: 298].

Подобно «Оде русскому огороду», «Пастуху и пастушке» Астафьева, здесь проявляются потенциальные возможности художественного образа — в его реконструкции силой памяти. Как в «Пастухе и пастушке», пролог и эпилог которой содержат установки на воссоздание образа погибшего воина-защитника, лежащего в живородящей земле-почве посреди России, «Прощание с Матёрой» начинается с соединительного союза «и», символическое значение которого в утверждении идеи вечного Жизнесотворения не раз отмечал и Астафьев:

«И опять наступила весна, своя в своем нескончаемом ряду...»³⁷.

Включение жизни острова-деревни, «почвы»-земли в этот нескончаемый ряд дано как вербальная доминанта. Построение первой фразы, по определению несущей начальную рецептивную установку для читателя, антиномично, как и именование повести, в котором заложены два идейно-смысловых полюса: идея прощания и идея Матери-Земли — неизбежного конца и вечного возрождения. Вторая часть фразы напрямую соотносится с первой, противореча ей мотивом неизбежного умирания, исчезновения:

«...Но *последняя* для Матёры, для острова и деревни, носящих одно название»³⁸.

Проявляющиеся через сюжетно-мотивный комплекс скорбные смыслы повести возвышают образ земли-«почвы» до «*грандиозного символа* уничтожения народной жизни», как сказано было Солженицыным в слове при вручении премии Распутину³⁹.

---

³⁷ Распутин В. Г. Последний срок. Прощание с Матёрой: повести. М.: Советский писатель, 1985. С. 153.

³⁸ Там же.

³⁹ Солженицын А. И. Слово при вручении премии Солженицына Валентину Распутину 5 мая 2000 г. // Новый мир. 2000. № 5 [Электронный ресурс]. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2000/5/slovo-pri-vruchении-premii-solzheniczyyna-valentinu-rasputinu-4-maya-2000.html (10.03.2023).

Повторяющееся затем в начале фраз слово «опять» подкрепляет первую, позитивную часть зачина, неся в себе идею вечного движения жизни, но дальнейшее развитие повести о гибели земли-«почвы», вступая с этой идеей в противоборство, создает крайнюю напряженность внутренней коллизии. Противочувствие (термин В. Выготского) разрешается в финале через идеальную проекцию на спасение Земли в культурной памяти читателя, обращая его к исходной картине «рая утраченного-возвращенного»:

«Пышно, богато было на матёринской земле — в лесах, полях, на берегах, буйной зеленью горел остров, полной статью катилась Ангара. Жить бы да жить в эту пору, поправлять, окрест глядячи, душу, прикидывать урожай. Ждать сенокоса, затем уборки, потихоньку готовиться к ним и потихоньку же рыбачить, поднимать до страдованья, не надсажаясь, подступающую день ото дня работу, — так, выходит, и жили многие годы и не знали, что это была за жизнь»⁴⁰.

(Анти)Почвенничество в поэтике «позднего» Астафьева

Однако в метаморфозах идеи земли-«почвы» у деревенщиков есть и противоречия: особенно в поздней прозе В. Астафьева. Антипочвеннические мотивы звучат в повествовательной речи автора в «Веселом солдате», где почва-поле, земля появляются не только как возрождающие, но и смертоносные силы, перерабатывающие для живых человеческие жизни, в ней похороненные. Виной тому война, однако, по Астафьеву, истоки таятся не только в ней как во внешней силе, но и в самой природе человека, эту силу пробуждающего:

«Нечего сказать, мудро устроена жизнь на нашей прекрасной планете, и, кажется, "мудрость" эта необратима, неотмолима и неизменна: кто-то кого-то все время убивает, ест, топчет, и самое главное — вырастил и утвердил человек убеждение: только так, убивая, поедая, топча друг друга, могут сосуществовать *индивидуумы земли на земле*»⁴¹.

Однако лейтмотив, звучащий на протяжении всего творчества Астафьева, един: идея Жизневоскресения утверждается в образе

⁴⁰ Распутин В. Г. Последний срок. Прощание с Матёрой. С. 196.

⁴¹ Астафьев В. П. Собр. соч.: в 15 т. Красноярск, 1998. Т. 13. С. 16.

Земли как возрождающей почвы. Такова мировоззренческая аксиома автора: «...*Война временна, поле вечно...*»⁴². Даже в самом трагическом произведении Астафьева о войне, романе «Прокляты и убиты» (откуда взята эта цитата), наряду со смертоносными хронотопами «ямы» и «плацдарма», появляется символический образ живородящего хлебного поля — в преодолении разрушительной силы Войны. На сопротивлении этой силе построено отдельное пространное лирико-философское отступление, где противоборство Войны и Мира разрешается торжеством вечно возрождающейся Земли-почвы как бесконечного хлебного поля:

«Хлебное поле едино в своем бедствии и величии, оно земной бороздой соединено со всеми полями Земли, и воспрянет, воспрянет, засияет хлебное поле на западе и на востоке, и в исцитимской стороне, на сибирском приволье воспрянет. Земле-страдалице не привыкать закрывать зелеными и деревьями гари, раны, воронки — *война временна, поле вечно*, и во вражьем стане, на чужой стороне оно отпразднует весну нежными всходами хлебов, после огня и разрухи озарится земля солнечным светом спелого поля, зазвучит музыкой зрелого колоса, зазвонит золотым зерном. *И пока есть хлебное поле, пока зреют на нем колосья — жив человек и да воскреснет человеческая душа, распаханная Богом для посевов добра, для созревания зерен созидательного разума*»⁴³.

Укрепление такой идейно-художественной доминанты в поэтике писателя происходит через модификации лирико-философского жанра: от соответствующих «затесей» как жанра быстрого реагирования (эссе, миниатюр, заметок, наблюдений) до излюбленных астафьевских отступлений, зарницами прорезающих сумрачную материю романа о войне. Так лирико-философское отступление в «Проклятых и убитых» напоминает картины и идеи книги «Затеси», где в миниатюрах разных лет утверждается идея: все на свете идет от Земли и Землею рождается.

⁴² Астафьев В. П. Собр. соч.: в 15 т. Красноярск, 1998. Т. 10. С. 234.

⁴³ Там же.

За пределы идеологем

Думается, не следует ограничивать художественную идеологию Астафьева или Распутина каким-либо одним направлением философской мысли. И хотя у них присутствуют элементы консерватизма (в частности, отказ от революционности в пользу эволюционного развития общества) или либерализма (открытость Астафьева европейской культуре на уровне жанра, интертекстуальности и ориентация на общечеловеческое в искусстве), поэтика этих художников куда сложнее и многограннее. Однако определенные схождения существуют, и они существенны.

Земля-Почва не только в переносном, но и в прямом значении слова-идеологемы обретает в поэтике Астафьева, Распутина (и деревенской прозе в целом) высокое символическое звучание, вырастая до статуса эстетического идеала, который должно сохранить в памяти нации. Это и высокий символ «О, Русская Земля» в контексте войны и мира, это и «вертоград многоцветный» в духе средневековой поэтики, это и плодоносящее «общественное поле» в вечном природном Жизневоскресении. «Уже не кажется больше растительным философствованием, — признается автор одного из дивных "Видений" деревенской прозы, — будто все мы связаны в единую цепь жизни и в единый ее смысл — и люди, и деревья, и птицы»⁴⁴.

Такова претворенная в русской литературе второй половины XX в. идеология почвенничества как органического мировосприятия, которое получило художественную материализацию в образной структуре символического реализма, предоставившего писателям широкие возможности для выражения своих взглядов в подцензурной ситуации.

---

⁴⁴ Распутин В. Г. Собр. соч.: в 2 т. Калининград, 2011. Т. 2. С. 621.

Список литературы

1. Бараков В. Н. «Почвенное» направление в русской поэзии второй половины XX века: типология и эволюция: дис. ... д-ра филол. наук. М.: МПГУ, 1998. 408 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/pochvennoe-napravlenie-v-russkoi-poezii-vtoroi-poloviny-xx-veka-tipologiya-i-evolyutsiya> (10.03.2023).
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 502 с.
3. Виноградов В. В. О языке художественной прозы: избр. тр. М.: Наука, 1980. 360 с.
4. Захаров В. Н. Почвенничество в русской литературе: метафора как идеологема // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. Вып. 10. С. 14–24 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429867257.pdf (10.03.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2012.335
5. Кузина А. Н. Традиции почвенничества в русской литературе второй половины XX века // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2011. № 8. С. 16–22.
6. Микитюк Ю. М. Концепты христианского и национального в культурно-исторической теории почвенничества: дис. ... канд. культурологии. СПб., 2011. 23 с.
7. Плетнев Р. Земля (из работы «Природа в творчестве Достоевского») // О Достоевском: сб. ст. / под ред. А. М. Бема. Paris: Amga editions, 1986. С. 175–184.
8. Разуvalова А. И. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. М.: НЛЮ, 2015. 616 с.
9. Страхов Н. Н. Мир как целое: черты из науки о природе. М.: Айрис-пресс: Айрис-Дидактика, 2007. 569 с.
10. Тимофеев А. Почвенничество как будущее России. Ответ на статью С. Морозова «В тени Распутина» в «Литературной России» // День литературы. 2016. 11 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://den-literaturi.ru/article/1648> (10.03.2023).

References

1. Barakov V. N. "Pochvennoe" napravlenie v russkoy poezii vtoroy poloviny XX veka: tipologiya i evolyutsiya: dis. ... d-ra filol. nauk ["Pochvennoe" Direction in Russian Poetry of the Second Half of the 20th Century: Typology and Evolution. PhD philol. sci. diss.]. Moscow, Moscow State Pedagogical University Publ., 1998. 408 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/pochvennoe-the-direction-in-Russian-poetry-of-the-second-half-of-the-XX-century-typology-and-evolution> (accessed on March 10, 2023). (In Russ.)
2. Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let [Questions of Literature and Aesthetics. Studies of Different Years]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 502 p. (In Russ.)
3. Vinogradov V. V. O yazyke khudozhestvennoy prozy: izbrannye trudy [On the Language of Fiction: Selected Works]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 360 p. (In Russ.)

4. Zakharov V. N. Pochvennichestvo in Russian Literature: the Metaphor as Ideologeme. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012, issue 10, pp. 14–24. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429867257.pdf (accessed on March 10, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2012.335 (In Russ.)
5. Kuzina A. N. Traditions of Pochvennichestvo in Russian Literature of the Second Half of the 20th Century. In: *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva [Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University]*, 2011, no. 8, pp. 16–22. (In Russ.)
6. Mikityuk Yu. M. *Kontsepty khristianskogo i natsional'nogo v kul'turno-istoricheskoy teorii pochvennichestva: dis. ... kand. kul'turologii [The Concepts of Christian and National in the Cultural-Historical Theory of Pochvennichestvo]*. PhD. cultural studies. sci. diss.]. St. Petersburg, 2011. 23 p. (In Russ.)
7. Pletnev R. Earth: from the Work “Nature in the Works of Dostoevsky”. In: *O Dostoevskom: sbornik statey [About Dostoevsky: A Collection of Articles]*. Paris, Amga Editions Publ., 1986, pp. 175–184. (In Russ.)
8. Razuvalova A. I. *Pisateli-“derevenshchiki”: literatura i konservativnaya ideologiya 1970-kh godov [Writers-“derevenshchiki”: Literature and Conservative Ideology in the 1970s]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 616 p. (In Russ.)
9. Strakhov N. N. *Mir kak tseloe: cherty iz nauki o prirode [World as a Whole: Features of the Natural Sciences]*. Moscow, Ayris-press Publ., Ayris-Didaktika Publ., 2007. 569 p. (In Russ.)
10. Timofeev A. Pochvennichestvo as the Future of Russia. Response to the Article by S. Morozov “In the Shadow of Rasputin” in “Literary Russia”. In: *Den' literatury*, 2016, April 11. Available at: <https://denliteraturi.ru/article/1648/> (accessed on March 10, 2023). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Большакова Алла Юрьевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела древнеславянских литератур, Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Российская академия наук (ул. Поварская, 25а, г. Москва, Российская Федерация, 121069); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8292-9934>; e-mail: allabolshakova@mail.ru.

Alla Yu. Bolshakova, PhD (Philology), Leading Researcher of the Department of Ancient Slavic Literature, A. M. Gorky Institute of World Literature, the Russian Academy of Sciences (ul. Povarskaya 25a, Moscow, 121069, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8292-9934>; e-mail: labolshakova@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 10.05.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.07.2023

Принята к публикации / Accepted 15.07.2023

Дата публикации / Date of publication 12.09.2023